

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

**РЕЧЕВОЙ АКТ «КЛЯТВА»:
ЭКСПЛИЦИТНЫЕ
ПЕРФОРМАТИВНЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Описываются эксплицитные перформативные высказывания, объективирующие речевой акт «клятва». В зависимости от форм представления виндиктивной составляющей выделяются виды названных эксплицитных перформативных высказываний.

Ключевые слова: *речевой акт «клятва», виндиктивная составляющая, эксплицитный перформативный глагол, эксплицитная перформативная конструкция, эксплицитное перформативное высказывание.*

По мере укрепления когнитивистских позиций в языкознании перед лингвистами встают проблемы, связанные с теоретическим моделированием единиц коммуникативного поведения и верификацией аналогов изучаемых ментально-лингвальных сущностей в лингвокультурных контекстах.

Особый интерес в этой связи в силу своей психосоциальной значимости представляет речевой акт «клятва», который не раз попадал в поле внимания ученых-гуманитариев, в том числе и лингвистов [6; 1; 5; 8], но с когнитивно-коммуникативных позиций начал изучаться лишь в последнее время [14].

Глубинным психологическим мотивом речевого акта «клятва» является потребность индивида в доверии со стороны адресата/-ов, которая и трансформируется в целевую установку, связанную с установлением искомого доверия. Реализуется данная целевая установка в разнообразных вербальных формах, которые восходят к виндиктивному дискурсу, первым человеческим ритуалам [Там же] и обеспечивают говорящему утверждение единства мысли, слова (знака) и дела, базирующееся на его

готовности подвергнуть себя каре, т. е. проклятию, за нарушение искренности высказываемого.

Эта готовность, или виндиктивная составляющая речевого акта, со всей очевидностью обнаруживается в первичных формах его объективации, являющихся переориентированными речевыми формулами проклятия.

1) – *А ты вернешься?* – *Вернусь.* – *Покаянись.* – *Чтоб я сдох.*

2) *Разрази меня гром! Я найду того, кто это сделал!*

3) *Гадом буду! Деньги завтра верну!* [14].

Такие речевые формулы представлены и в определяющей глагол *ротиться* 'клясться' словарной статье в словаре В.И. Даля: *отсохни рука* (если неправду говорю); *чтоб мне провалиться, не видать детей* и др. [4, т. 4, с. 105]. (В речевом поведении современного человека эти формулы могут и не быть закланиями, которыми они, как мы полагаем, опираясь на опыт изучения стратегии проклятия, являлись изначально [13, с. 195–270]).

Эксплицитный перформативный глагол *клянусь* как образование позднего периода в развитии изучаемого речевого акта является продуктом свертывания магических эмотивных речевых формул в стандартизирующую речевое поведение говорящего рациональную единицу, необходимую прежде всего для институционального общения [14], и с его появлением виндиктивная составляющая обретает новые формы представления.

Прежде всего следует сказать о том, что названный глагол образует эксплицитную перформативную конструкцию (далее – ЭПК): *клянусь* + имя существительное или субстантивное словосочетание со стержневым словом в творительном падеже, обозначающее для говорящего нечто священное: жизнь или то, что обеспечивает человеку целостность его бытия: *клянусь жизнью, клянусь матерью / детьми, клянусь Богом / Девой Марией, клянусь честью* и др. Поскольку клятва непременно содержит в себе угрозу возмездия за разрушение единства мысли, слова (знака) и дела [13, с. 108–124] и эксплицитный перформативный глагол *клянусь* (т. е. *клян* / *проклинаю* себя), соответственно, используется говорящим для

выражения готовности к проклятию или лишению того, чем он дорожит, то очевидно, что каждая включаемая посредством своего имени в ЭПК ценность превращается в цену, которую говорящий готов заплатить за клятвopреступление.

Используя в высказывании ЭПК *клянусь жизнью*, говорящий «ставит на кон» жизнь и тем самым выражает готовность лишиться ее в качестве проклятия за разрушение единства мысли, слова (знака) и дела. Такого рода высказывания употребляются в обыденной сфере общения*.

– *Дегтярь, – Клава Ивановна прижала руку к сердцу, – клянусь жизнью, я тысячу раз говорила им то же самое* (А. Львов. *Двор*).

Используя в высказывании ЭПК *клянусь матерью* или *клянусь детьми*, говорящий делает ставку на обеспечивающие целостность его бытия кровные связи, выражая готовность принять их утрату в качестве проклятия за неискренность. Сферой употребления таких высказываний также является обыденное общение.

Чем так хоронить, так лучше самому лечь в могилу, клянусь матерью (К.Г. Паустовский. *Повесть о жизни. Время больших ожиданий*).

– *Клянусь детьми, мадам, и эта цена – себе в убыток!* (И. Ратушинская. *Одесситы*).

Скрепляя высказывание словами *клянусь Богом* или *клянусь Девой Марией*, говорящий выдвигает на передний план важнейшие для него духовные связи, выражая готовность принять их разрыв как проклятие за неискренность.

Высказывания с ЭПК *клянусь Богом* получают распространение и в обыденной, и в институциональной сферах общения. Начиная с Петровской эпохи и до советского времени они используются в военных и других присягах Российского государства [11].

Клянусь Богом, я тут никогда не был, ничего не видел, ничего не знаю! (Г. Щербакова. *Актриса и милиционер*).

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед святым его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, <...>, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться... В заключение же сей моей клятвы целую Слова [т. е. Евангелие] и Крест Спасителя моего. Аминь [12].

* В статье используются выдержки из произведений художественной литературы, представленные в базе данных электронного Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Высказывания с ЭПК *клянусь Девой Марией* распространяются в обыденной сфере общения.

Если б вам потребовалась дружеская крепкая рука помощи, то я, клянусь девой Марией, готов сложить голову у ваших прекрасных ног (В.Я. Шишков. *Угрюм-река*. Ч. 5–8).

Используя в высказывании ЭПК *клянусь честью*, говорящий обращается к личностному качеству, представляющему собой совокупность высших морально-этических принципов и обеспечивающему человеку уважение в обществе [9, т. 4, с. 672], выражая при этом готовность к бесчестию как проклятию за неискренность. Такого рода высказывания встречаются в обыденной сфере общения и являются гендерно маркированными, поскольку используются мужчинами. Последнее обстоятельство объясняется, вероятно, известными различиями в содержании концепта «честь» применительно к представителям разных полов (см.: [10]).

– *Клянусь честью, я не знал, что у вас так весело заниматься наукой!* (В.А. Каверин. *Открытая книга*).

Как видим, во всех рассмотренных выше высказываниях vindиктивная составляющая представляется посредством ЭПК, содержащих указания на ценности, которыми готов пожертвовать говорящий в случае клятвopреступления.

Существует и другая форма представления vindиктивной составляющей в объективирующих речевой акт «клятвы» эксплицитных перформативных высказываниях: глагол *клянусь* скрепляет часть высказывания, которая сопровождается речевым построением, раскрывающим содержание названного глагола как готовность говорящего подвергнуть себя юридическим и этическим санкциям за клятвopреступление. Такие высказывания получают распространение только в институциональной сфере общения. Они использовались в военных присягах в СССР.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом <...>.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся [2].

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, ... – Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся [7].

В объективирующих речевой акт «клятва» эксплицитных перформативных высказываниях виндиктивная составляющая может представляться и лишь глаголом *клянусь*, указывающим на готовность говорящего подвергнуть себя проклятию; содержание последнего при этом не вербализуется. Такие высказывания получают распространение и в бытовой, и в институциональной сферах общения. Они используются в военной и некоторых других присягах современной России.

– Клянусь, ничего такого нет в машинах – ни оружия, ни продуктов (В. Маканин. Кавказский пленный).

Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации.

Клянусь свято соблюдать ее Конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников.

Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество [3].

Итак, в зависимости от форм представления виндиктивной составляющей можно выделить три вида объективирующих речевой акт «клятва» эксплицитных перформативных высказываний: 1) с ЭПК, содержащими указания на ценности, которыми готов пожертвовать говорящий в случае клятвоступления; 2) с глаголом *клянусь* и речевыми построениями, раскрывающими его содержание как готовность говорящего подвергнуть себя юридическим и этическим санкциям за клятвоступление; 3) с глаголом *клянусь*, имплицитным содержанием проклятия.

Список литературы

1. Бенда В.Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII века // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 56 – 62.
2. Военная присяга (от 1939 г.) // Консультант-Плюс: справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru>.

3. Военная присяга (от 1993 г.). URL: <http://armyus.ru>.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

5. Карабыков А.В. Прагматика клятвы в контексте развития культуры // Филологический ежегодник / под ред. Н.Н. Мисюрова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2007–2008. Вып. 7–8. С. 98–106.

6. Кормина Ж. Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html>.

7. Присяга военная (от 1947 г.) // Большая советская энциклопедия: в 51 т. 2-е изд. М.: Большая сов. энцикл., 1950–1958. Т. 34.

8. Сиразиева З.Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

9. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1984.

10. Слышкин Г.Г. Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. С. 54–60.

11. Тексты присяг на верноподданство государю Императору [Электронный ресурс]. URL: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/pri/syaga1890.htm (дата обращения: 24.02.2016).

12. Форма всенародной присяги на верность подданства Императору // Тексты присяг на верноподданство государю Императору [Электронный ресурс]. URL: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/pri/syaga1890.htm (дата обращения: 24.02.2016).

13. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.

14. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2013. № 9 (84). С. 4–7.

15. Электронный Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

* * *

1. Benda V.N. «Prisjaga na vernost'...» kak odno iz sredstv formirovanija tradicij russkoj armii i patriotizma v Rossii XVIII veka // Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. 2009. № 12 (150). Istorija. Vyp. 31. S. 56 – 62.

2. Voennaja prisjaga (ot 1939 g.) // Konsultant-Pljus: spravocchnaja pravovaja sistema. URL: <http://base.consultant.ru>.

3. Voennaja prisjaga (ot 1993 g.). URL: <http://armyus.ru>.

4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz. – Media, 2006.

5. Karabykov A.V. Pragmatika kljatvy v kontekste razvitiya kul'tury // Filologicheskij ezhegodnik / pod red. N.N. Misjurova. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2007–2008. Vyp. 7–8. S. 98–106.

6. Kormina Zh. Voinskaja prisjaga: k istorii odnogo performativa // Neprikosnovennyj zapas. 2004. № 1 (33). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html>.

7. Prisjaga voennaja (ot 1947 g.) // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 51 t. 2-e izd. M.: Bol'shaja sov. jencikl., 1950–1958. T. 34.

8. Sirazieva Z.N. Kljatva kak rechevoj zhanr v russkojazychnoj i anglojazychnoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2012.

9. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz., 1981–1984.

10. Slyshkin G.G. Koncept chesti v amerikanskoj i russkoj kul'turah (na materiale tolkovyh slovarej) // Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. Volgograd–Arhangel'sk: Peremena, 1996. S. 54–60.

11. Teksty prisjag na vernopoddanstvo gosudarju Imperatoru [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/pri/syaga1890.htm (data obrashhenija: 24.02.2016).

12. Forma vsenarodnoj prisjagi na vernost' poddanstva Imperatoru // Teksty prisjag na vernopoddanstvo gosudarju Imperatoru [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/pri/syaga1890.htm (data obrashhenija: 24.02.2016).

13. Chesnokov I.I. Mest' kak jemocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoj lingvokul'tury): dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009.

14. Chesnokov I.I. Rechevoj akt «kljatva»: istoiki i pervichnye formy ob#ektivacii // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2013. № 9 (84). S. 4–7.

15. Jelektronnyj Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

The speech act “oath”: explicit performative utterances

Explicit performative utterances, which present the speech act “oath”, are described. Depending on forms of presentation of vindictive component, types of the above mentioned explicit performative utterances are distinguished.

Key words: the speech act “oath”, the vindictive component, explicit performative verb, explicit performative construction, explicit performative utterance.

(Статья поступила в редакцию 18.03.2016)

А.Р. КАЛАШНИКОВА
(*Волгоград*)

ИНФОРМАТИВНАЯ ТЕКСТОВАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР РИТМИЧЕСКОЙ ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Рассматриваются ритм публицистических текстов и его взаимосвязь с текстовой тональностью. Приводится ритмический анализ публицистического текста и выявляются типы ритмической текстовой тональности.

Ключевые слова: *синтагма, синтагматическое членение, ритмическая модель, ритмический сбой, динамика ударности.*

Традиционно ритмичность признается только за поэтическими текстами либо за текстами, относящимися к ритмизованной прозе, но представляется обоснованным тезис о том, что ритмичность – неотъемлемая часть любого текста, т. к. само наше земное мироустройство основано на постоянно повторяющихся, т. е. ритмических, явлениях. Текстопорождение изначально связано с возникновением некой ритмичности, на которой затем основывается и весь текст.

Ритм прозаического текста – это такая организация речи, которая создается периодической повторяемостью текстовых единиц всех уровней. Ритм текста может быть выявлен на всех его уровнях – фоническом, лексическом, грамматическом, синтаксическом, интонационном, графическом. Для удобства систематизации различных ритмических единиц разных уровней мы вводим понятие ритмической модели прозаического текста. Ритмическая модель – некая ритмическая универсалия, реализуемая в тексте и предопределяющая его структуру, которая совмещает в себе ритмические и семантические аспекты текстовой организации и одновременно является значащей единицей текстопроизводства и текстовосприятия. Универсалией ритмообразования является повтор, различные виды которого реализуются в тексте в виде ритмических моделей. Ритмическая модель не может быть реализована в рамках словосочетания или предложения, т. к. упорядоченный повтор определенных элементов ритма может быть реализован только в более крупных фрагментах тек-